

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 238–244

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 238–244

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-238-244>

Научная статья

УДК 821.161.1.09-3+929[Солженицын+Столыпин]

Образ П. А. Столыпина у А. И. Солженицына

Г. М. Алтынбаева , Л. Е. Герасимова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Алтынбаева Гульнара Монеровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, altynbaevagm@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5168-7138>

Герасимова Людмила Ефимовна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, gerasimovale@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1677-3388>

Аннотация. В статье на материале «Красного Колеса», «Дневника Р-17», мемуаристики и публицистики А. И. Солженицына проанализирован образ П. А. Столыпина. Авторы прослеживают, каким путём шёл писатель в работе над художественным воплощением образа одного из самых выдающихся отечественных государственных деятелей XX в., показывают мастерство Солженицына в стремлении открыть читателю всю «рельефность», «экспрессивность» этой великой фигуры и значение судьбы Столыпина для будущего России. Авторы исследования прослеживают, как в «Красном Колесе» судьба Столыпина связана с судьбой России, поднимаясь вслед за Солженицыным к пониманию Столыпина как ответственного перед Россией «делателя». В ходе исследования подробно проанализирована столыпинская глава с обзорами в «Августе Четырнадцатого». Это позволило авторам статьи осознать образ Столыпина, с одной стороны, как «узловой» в «Красном Колесе», с другой стороны, как любимого солженицынского героя, при всей достоверности всё-таки поданного очень лично, сочувственно, через «диалектику души». Перед читателем предстаёт прямолинейный, волевой, динамичный, целеустремлённый и нравственно выдержанный политик. Важны для понимания образа Столыпина сюжетные линии Гучкова, Богрова, Николая II. Обращая внимание на этих героев, авторы статьи показывают роль Столыпина и в их судьбах. В «Красном Колесе» художественный образ Столыпина создается сложными формами несобственно-прямой речи, цитирования, свободного косвенного дискурса, чередованием сцен и сводок (суммарного изложения событий), богатством авторских «врезок», многофункциональностью иронии. В ходе исследования к работе были привлечены тексты выступлений П. А. Столыпина, воспоминания его детей, биография, мнения историков. Выбранный исторический контекст позволил глубже понять солженицынский историзм и историософское мышление писателя.

Ключевые слова: П. А. Столыпин, А. И. Солженицын, «Красное Колесо», «Дневник Р-17», историзм

Для цитирования: Алтынбаева Г. М., Герасимова Л. Е. Образ П. А. Столыпина у А. И. Солженицына // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 238–244. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-238-244>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The image of P. A. Stolypin in A. I. Solzhenitsyn's works

G. M. Altynbaeva , L. E. Gerasimova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Gulnara M. Altynbaeva, altynbaevagm@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5168-7138>

Ludmila E. Gerasimova, gerasimovale@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1677-3388>

Abstract. In the article the image of P. A. Stolypin is analyzed on the material of *The Red Wheel*, *Diary R-17*, memoirs and essays by A. I. Solzhenitsyn. The authors trace the course the writer took while working on the artistic presentation of the image of one of the most prominent Russian state figures of the 20th century; they show Solzhenitsyn's artistry in endeavoring to reveal to the reader all the "prominence", "expressiveness" of this great person, as well as the significance of Stolypin's destiny for the future of Russia. The authors of the research observe how in *The Red Wheel* Stolypin's destiny is linked to that of Russia, following Solzhenitsyn in comprehending Stolypin as a "doer" responsible to Russia. In the course of the research Stolypin's chapter with reviews in *August 1914*, has been analyzed in detail. This enabled the authors to grasp Stolypin's image as the focal one in *The Red Wheel*, on the one hand, and, on the other hand, as Solzhenitsyn's favourite character, conveyed realistically, and, at the same time, personally, compassionately, through "the dialectic of the soul". The reader perceives a straightforward, strong-willed, dynamic, determined and ethically wholesome politician. The storylines of Guchkov, Bogrov, Nikolas II are essential to understanding Stolypin's image. Focusing on these characters, the authors of the article show Stolypin's role in their destinies. In *The Red Wheel* the artistic image of Stolypin is created by complex forms of inner monologues, quotes, free indirect discourse, the alternation of scenes and reports (summaries of events), by

the abundance of the author's "insertions", by the multiple functions of irony. In the process of research the texts of P. A. Stolypin's speeches were drawn upon, his children's reminiscences, his biography, historians' opinions. The chosen historical context provided a valuable insight into Solzhenitsyn's historical method and the writer's historiosophic reasoning.

Keywords: P. A. Stolypin, A. I. Solzhenitsyn, *The Red Wheel*, *Diary R-17*, historical method

For citation: Alтынбаева Г. М., Герасимова Л. Е. The image of P. A. Stolypin in A. I. Solzhenitsyn's works. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 238–244 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-238-244>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В «очерках изгнания» «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» Александр Исаевич Солженицын признался, что для него с юности убийство Столыпина было фактом, «заножавшим загадкой» [1, с. 112]. В разговоре с французским журналистом Бернаром Пиво писатель заявил: «Если бы Столыпин не был убит, <...> и Россию нельзя было бы свалить так легко. Я глубоко убеждён, что убийство Столыпина, выстрел этот, решил судьбу развития России...» («Интервью с Бернаром Пиво для французского телевидения», Кавендиш, 31 октября 1983) [2, с. 177]. В 18 лет начав работу над историей русской революции, Александр Солженицын не мог обойти образ этого великого человека, который «вытянул из хаоса и Россию, и династию, и царя» («Размышления над Февральской революцией») [3, с. 399].

Выступая в Саратовском университете, А. И. Солженицын сказал: «Почему я стал писать о Столыпине? Потому что это один из самых оболганных и в то же время – один из величайших государственных деятелей России и, несомненно, самый великий наш государственный деятель в XX веке» («Встреча в Саратовском университете, 13 сентября 1995) [4, с. 323].

Столыпин – одна из самых мифологизированных фигур русской истории. Миф о Столыпине-вешателе безболезненно сменился в массовом сознании мифом о Столыпине-мученике и национальном герое. Солженицын убеждён: «Как бы ни относиться к Столыпину, одни считают его либералом, другие считают его консерватором, – но это крупный государственный деятель России, как же можно подвергать его цензуре?» («Телеинтервью с конгрессменом Лебутийе об американском радиовещании на СССР», 12 октября 1981) [5, с. 571].

Солженицын как художник, изображая Столыпина, «давшего своё направление, свет и имя предвоенному десятилетию России» [6, с. 435], в «Красном Колесе» усложняет понимание не только этого десятилетия, но и всей русской истории XX в. Писатель открывает *узловой* для русской судьбы характер.

По словам самого Солженицына, работа над образом Столыпина началась с чтения его речей (первое прочтение – в 1972 г.), затем полноценную помощь он смог получить уже в изгнании, оказавшись в мае 1975 г. в Гуверовском институте (США), где «познакомился с обильными

материалами столыпинской жизни, всей его деятельности и убийства его» («Интервью с Дэвидом Эйкманом для журнала “Тайм”», Кавендиш, 23 мая 1989) [2, с. 329].

Записи «Дневника Р-17» [7] за июль-август 1972 г. и особенно за весь 1976 г., когда в Вермонте шла основная работа над «столыпинским циклом», дают представление о том, как Солженицын шёл от поисков путей включения Столыпина в роман к завершающим выводам о важности работы над образом этого героя для общего понимания механизма выстраивания диалога с читателем в сюжетно насыщенных переломных «узлах» «Красного Колеса».

В 1972 г., работая над главами о Гучкове, Солженицын быстро приходит к пониманию того, что Столыпин, как значимую фигуру истории, нельзя дать в дополнение к линии Гучкова; при этом Столыпину пока нет полноценного места в романе, которое бы соответствовало его положению. Солженицын признаётся, что сначала интуитивно предчувствовал своего героя, но после прочтения текстов столыпинских публичных выступлений пришло убеждение представить эту великую фигуру как ключевую для современного обезумевшего мира. Но возможно это только при условии, если показать Столыпина рельефно, экспрессивно (см. запись от 29.08.1972) [7, р. 196–197].

Солженицын признаётся, что не столько сам факт, что фигура Столыпина была искажена и покрыта ложью в русской историографии, подтолкнул к работе над этим героем, сколько его полезность для современной мировой истории. Именно эта необходимость требовала ввести его полноправно (см. запись от 29.08.1972) [7, р. 197].

Трудности в ходе работы над столыпинским сюжетом были связаны и с формой подачи, и с объёмом, и с масштабом охвата исторического материала.

Изучив много текстов самого Столыпина и материалов о нём, Солженицын понял, что было бы ошибкой всё это взять и уместить в одну главу с обзорами. И тогда пришло решение: отобрать крошечные зёрнышки, чтобы через них эта великая фигура выростала во весь рост, во всей полноте (см. запись от 15.07.1976) [7, р. 303]. Психологическую напряжённость описываемых исторических событий Солженицын создаёт за

счёт сопоставления столыпинских речей с тем контекстом – днём, местом, – в котором они были произнесены. Проблему создавала избыточность внешних обстоятельств, что приводило к размыванию линии героя, и сам автор, сбитый с толку, не всегда был в состоянии сказать то, что нужно, в лучшее время и лучшими словами (см. запись от 25.10.1976) [7, р. 316].

Глава с обзорами – вот форма, которую продиктовал Солженицыну столыпинский материал. В «Дневнике Р-17» записано, что именно эта большая глава с обзором о Столыпине (в «Августе Четырнадцатого» глава 65' занимает больше 80 страниц) станет ключом к пониманию истории государства после манифеста 1905 г. (см. запись от 28.01.1976) [7, р. 294]. Более того, по замыслу Солженицына, материал о Столыпине должен подвести читателя к образу возрождающейся России. Композиционно положение столыпинской главы также было тщательно продумано: сразу после глав о Самсонове, в окружении глав, посвящённых гражданской жизни (см. запись от 17.01.1976) [7, р. 293].

Солженицын увидел в Столыпине характер «узловой». К тому же герой, ощущающий в себе «перекрестье всех тяжей России» [8, с. 269], близок автору психологически.

Соединя историю случившегося и историю «в сослагательном наклонении», Солженицын видит в судьбе Столыпина трагический конфликт «опозданных годов» России. «Опозданных» во многих отношениях, в том числе и в непоправимом разрыве власти с общественным мнением. Исследуя этот разрыв на протяжении всего XIX в., историк В. В. Пугачёв отмечает, что расхождение власти с интеллигенцией усиливалось с каждым десятилетием после казни декабристов и было «не столько политически, сколько нравственным, психологическим» [9, р. 33].

Многие в России – вопреки ожиданию Столыпина – не сумели «отличить кровь <...> на руках палачей от крови на руках добросовестных врачей, применяющих самые чрезвычайные, может быть, меры с одним только упованием, с одной надеждой, с одной верой – исцелить трудно больного» [10, с. 77]. Для реального исторического Столыпина не было нравственно безупречного выбора. Долг государственного деятеля велел ему, безжалостно подавляя беспорядки, направить нравственную силу на обновление страны. Для Солженицына, обращающегося к конкретным историческим обстоятельствам и понимающего, что Столыпин не был «влюблён в виселицу» (как язвил Л. Толстой), важен и выбор Столыпина, и вечный, не решаемый историей конфликт государства и частного человека. Коллизия «Медного всадника».

Столыпин для Солженицына – «делатель», *ответственный* перед историей, перед Россией с ее традициями и исторической правдой, и это отделяет его и от безответственных болтунов в Думе, и от «бомбовых социалистов». Путь Столыпина – созидание. «Он принял государственную жизнь в расползе и хаосе – и вытягивал созидательно» [8, с. 176]. «Он – всё вложил в свою государственную линию, он вёл её сердцем, умом и жизнью» [8, с. 184].

«Ответственность – величайшее счастье моей жизни», – говорил реальный П. А. Столыпин [10, с. 364]. Ответственность правительства видел он и в точном ощущении *времени* истории, *скорости* истории, в отказе от опозданий и неподготовленных ускорений. Его ответственность – ответственность делателя.

Для Солженицына здесь ядро характера, центр, вокруг которого концентрируется, как писал А. П. Скафтымов, «внутренний состав персонажа». В петитной 65-й главе «Августа Четырнадцатого» и в последующих главах создается именно *художественный* образ Столыпина. Создается сложными формами несобственно-прямой речи, цитирования, свободного косвенного дискурса, чередованием сцен и сводок (суммарного изложения событий), богатством авторских «врезок», многофункциональностью иронии.

Особое значение приобретают *масштаб*, *ритм* отображения сознанием героя частных и государственных событий. «Столыпинские» главы по ритму создаваемого образа противоположны главе о Николае II. Для императора в изображении Солженицына течение жизни определяется семейными радостями и заботами, сменой настроений, а исторические события, государственные дела, которые «и поднять нельзя и обойти нельзя. Крест Господень» [8, с. 361], врываются, раздражая и пугая. Столыпин же идёт «по лезвию, между двух бездн» [8, с. 178], ощущает каждый день как последний, каждое дело как неотложное; частное, личное отступает.

Полемическая заострённость, любовь писателя к своему герою берут верх над беспристрастностью историка. Сын П. А. Столыпина, Аркадий Столыпин, оценивая главы «Августа Четырнадцатого», посвящённые «политическому творчеству» его отца, как «неоценимый вклад в изучение и понимание эпохи Думской монархии», отмечая психологическую проницательность Солженицына-художника («А. Солженицын проник глубоко, как пожалуй никто до него, в самую глубину личности моего отца» [11, с. 59]), во многом не соглашается с его трактовкой характера Николая II.

Авторское повествование отличается «векторностью». Точно так же развиваются, прорываются через боль и бред предсмертные размыш-

ления героя о своей жизни. Солженицын пишет «собой» разных героев. Столыпин особенно. Даже предсмертное обращение Столыпина к Богу в романе очень похоже на молитву Солженицына – по духу и по стилю. «Как это устроено Тобой, Господи, с непонятным планом для нас: сколько бы Ты ни отпустил каждому сделать, сколько б раз мы ни пересекли наш последний предел замысла, – но на каждом новом горизонте и даже на последнем горизонте смерти – ещё больше, ещё больше тревожно неуправного, где так нужен я, но Ты повелел рукам моим опуститься» [8, с. 268] – так молится в романе Столыпин. А в «крохотке» «Молитва» Солженицын благодарит Бога: «Когда расступается в недоумении / или сникает ум мой, / когда умнейшие люди / не видят дальше сегодняшнего вечера / и не знают, что надо делать завтра, – / Ты снисылаешь мне ясную уверенность, / что Ты есть / и что Ты позаботишься, / чтобы не все пути добра были закрыты». И самый конец молитвы: «А сколько не успею –/значит, Ты определил это другим» [13, с. 554].

Сравним с письмом реального П. Столыпина жене от 26 апреля 1906 г. из Петербурга: «...Вчера судьба моя решилась! Я Министр Внутренних Дел в стране окровавленной, потрясенной, представляющей из себя шестую часть мира. И это в одну из самых трудных исторических минут, повторяющихся раз в тысячу лет. Человеческих сил тут мало, нужна глубокая вера в Бога, крепкая надежда на то, что он поддержит, вразумит меня. Господи, помоги мне. Я чувствую, что Он не оставляет меня, чувствую по тому спокойствию, которое меня не покидает...» [13, с. 16].

Столыпин у Солженицына – человек прямой линии, идущий «с открытым забралом», динамичный (любит ходьбу, верховую езду, задыхается в «зачехлённом» Зимнем дворце). Спрессовывая мемуарные источники, Солженицын плавно переходит от авторского повествования к непосредственно-прямой речи, подчёркивает контраст живой динамики личности премьер-министра и мёртвой статичности доставшейся ему придворной среды. В воспоминаниях дочери Столыпина М. П. Бок даётся описание Зимнего дворца, удручающего и детей, и самого Петра Аркадьевича: «Строгой и стройной анфиладой тянулись зала за залой, гостиная за гостиной. Гордо и уверенно глядели со стен портреты императоров и таинственно блестела в полумраке позолота рам, мебели и люстр. А в тронном зале покрытый чехлом трон навесил тяжелые думы. Странно: сильна и крепка была еще монархия, на недостижимой высоте, окруженный ореолом вековой славы, возглавлял Россию её император; революция притихла, припала к земле, примолкла... а вместе с тем, какое-то инстинктивное чувство сжимало грудь в этом

огромном дворце, никогда больше не оживавшем, не видящем теперь ни нарядных балов, ни приёмов, будто забытом всей царской семьёй...» [13, с. 192]. А вот описание этого же интерьера в «Августе Четырнадцатого»: «В залах Зимнего горели только дежурные лампочки, отчего было ещё мрачней. В полумраке тускнела позолота рам безчисленных портретов, позолота и хрусталь несветящих люстр. Чехлами была покрыта неподсчитанно богатая отслужившая мебель, столько высокоумных сановников принимавшая в свои изящно-изогнутые объятия, а вот с пустыми затянутыми зевами, с застывшей хваткой мертвецов. И чехлом же был покрыт императорский трон. Как тоже отслуживший» [8, с. 163]. Автор заостряет, «договаривает» ощущения героя: «И забирала продрожь: да жива ли русская монархия? И та династия, что готовилась к 300-летию? ... Перепуганным Манифестом 17 октября не сама ли себя удушала? За этой мёртвой мебелью Столыпин ощущал тысячи высокопоставленных живых мертвецов, кто сбившейся своей толпой хотел бы остановить всякое движение истории» [8, с. 163]. Автор романа передаёт подлинное настроения Столыпина, легко восстанавливаемые по биографическим источникам, но как художник он концентрирует эти настроения, пропитывает их силой своего сочувствия, почти психофизическим ощущением мучительности выбора «почти невероятного пути» – «пути равновесной линии по обломочному хребту» [8, с. 163].

В «Красном Колесе» Столыпин дан как человек волевого упора. Немецкий журналист спрашивал у А. И. Солженицына во время интервью: может ли писатель изменить нравственный портрет политического деятеля тем, что «в известном смысле вставит механизм психологии в структуру персонажа». «Я не вставляю психологический механизм от себя, – ответил Солженицын. – Я всеми силами стараюсь открыть, каким он мог быть» («Интервью немецкому еженедельнику “Ди Цайт”» (Интервью ведёт Фриц Раддац), Мюнхен, 8 октября 1993) [2, с. 452].

Автора увлекает единоборство Столыпина со «сферами», мертвящими и каменно-неподвижными, с «чвакающей средой», сложная тактика премьер-министра, вынужденного «балансировать, чтобы не повредить уязвимых робких чувств Государя». Страстно-напряжённо следит писатель за борьбой Столыпина с Думой. Политическое содержание этой борьбы передано документально точно. От романиста – ритм, темп повествования, микропсихология фразы. Темп повествования то убыстряется авторским гневом, то замедляется, чтобы читатель (в отличие от современников героя) мог замедленно-укрупнённо увидеть точки, в которых история могла бы повернуть, но не повернула.

В «точках бифуркации» истории наиболее приложим к ней *нравственный* критерий. Именно здесь особенно пристально разглядывает писатель не только дела, слова, но и побуждения людей. В столкновениях Столыпина с противниками его реформ особый интерес вызывают позиции людей нравственно чистых, любящих народ и ищущих пути изменения жизни. Таким противником, оппонентом Столыпина предстает в романе Дмитрий Шипов: «...он возражал против разгона Думы – не по взрывоопасности такого действия, но: какая есть, неработоспособная, неработоохочая, бунтарская – пусть, пусть Дума делает ошибки! Куда б она Россию ни завела, это естественное развитие: население будет знать, что это – ошибки его избранников, и исправит при следующих выборах. А Столыпин возражал, что прежде такой проверки свалится вся телега. Что в России опаснее всего – проявление слабости. <...> Мало иметь правильные мысли – нужно проявить и волю, осуществляя их. А Шипов возражал, что и уверенная воля и успешные действия тоже не всё, но выше того должна быть глубина нравственного мирозерцания – и в его недостатке винил Столыпина» [8, с. 151–152].

Солженицын верит в искренность Столыпина, в то, что ему важно остановить «размашистый расшат России» ради созидательной программы. «Тут и была вся программа начатого боя: обе стороны хотели *поднять* крестьянство: радикальные интеллигенты – поднять на поджоги и погромы, чтобы развалить и перепрокинуть русскую жизнь; консервативно-либеральный правитель – поднять крестьян в благосостоянии, чтобы русскую жизнь укрепить» [8, с. 157].

Когда писался «Август Четырнадцатого», как справедливо замечает автор, ему пришлось прибегнуть к «излому романной формы», т. е. взять на себя и функцию документалиста, потому что раньше того «была грубо изломана сама история России, вся память её, и перебиты историки» [8, с. 509]. Романисту пришлось не только расчищать путь от завалов лжи советской историографии, от «гибкой словесности» и «неотмываемого оболгания» прессы разных лет, но и концентрированно излагать программу Столыпина.

Видит ли Солженицын промахи, ограниченность Столыпина или только восхищается своим героем? Видит. Цитируя речи Столыпина, писатель вдруг неожиданно в скобках откомментирует: «...он скользил ногой по основам того Манифеста, который тщился сохранять» [8, с. 209]. Солженицын-историк отмечает и нажим на закон (в случае с западными земствами), и тактические просчеты в отношениях с Думой

и Государственным советом, и некоторую недооценку внешней политики. Романисту важнее трагический конфликт, в который был втянут Столыпин: «упущенные десятилетия» усилили «незаживающее пыланье» крестьян, углубили непоправимый разрыв власти и интеллигенции. Выбор: действовать или обречённо отступить в этой ситуации – трагический выбор. И именно на нём сосредоточен писатель. Критики, ожидавшие другого – конфликта в душе героя между целью и средствами – и не нашедшие этого, упрекают романиста в идеализации исторического деятеля.

На мгновение распахнул автор «Августа Четырнадцатого» вечный конфликт: «Может быть, здесь разногласие шире и общины, шире и самой России: свобода действия и достача нужны человеку на земле, чтобы распрямиться телом, но в извечной связанности, в сознании себя лишь крохой общего блага витает духовная высота?». И тут же голосом Столыпина: «Если думать так – невозможно действовать». И следом: «Столыпин всегда был реалист, он думал и действовал едино» [8, с. 144]. Ответ героя однозначен. Автор ещё не раз вернётся к этим сомнениям в своих художественных и публицистических произведениях.

Зона автора и зона героя могут быть разграничены и в «бессносочном повествовании» петитных глав. Например, внутренний монолог Столыпина, уставшего от трудных отношений с императором, переходит в несобственно-прямую речь, все слышнее иронические модуляции авторского голоса. Столыпинское отношение к монарху и его воле явно отличается от авторского. Солженицын «доверяет» герою собственные мысли, неоднократно высказывавшиеся в публицистике, в «Размышлениях над Февральской революцией».

Эти наблюдения подкрепляются и прямым суждением А. И. Солженицына: «...освободиться от своей системы чувств я не могу. Но это вовсе не в ущерб изложению исторического материала. Наоборот, это может идти к выигрышу в изложении истории. Ведь я скрупулезно, до малейших деталей, соблюдаю каждую историческую подробность... С моим чувством можно спорить, но оно не борется с фактами, оно органично, как живая ткань, входит в историческое повествование» («Интервью немецкому еженедельнику “Ди Цайт”» (Интервью ведёт Фриц Раддац), Мюнхен, 8 октября 1993) [2, с. 453].

Не раз высказывались Солженицыну обвинения в том, что вопреки русской передовой мысли он не разоблачает карателя, а, наоборот, целые главы посвящает злу революционного террора. Проблема террора в плане историческом, психологическом, религиозном проходит

через всё творчество А. И. Солженицына – от «Архипелага ГУЛАГ» до публицистики. В «Красном Колесе» проблема террора взята автором в аспекте разрушения одного из идолов русского сознания – идола нравственной безупречности революционера-террориста.

Солженицын видит правду не только Столыпина, но и уходящую в историческую глубину правду тех, кто бросает власти вопрос: «Да кто же *первый* начал угнетать свой народ? Кто первый загородил все иные пути освобождения? Кто – первый казнил за каждый шаг к свободе?» [8, с. 84]. Женщины-революционерки, о которых восторженные тетушки рассказывают Вероне, не выглядят «бесами», скорее, фанатичными жертвами. Автор нисколько не окарикатуривает и Богрова. Он пишет его изнутри, спрессовывая дневники, письма, воспоминания. Богров в камере, Богров, размышляющий о смысле своей жизни, Богров перед судом написан глубоко психологично, с взглядом в бездну человеческой души: «И – любишь себя. И – презренье к себе» [8, с. 129].

За годы, прошедшие после выхода в свет «Августа Четырнадцатого», созданы многочисленные версии – разгадки тайны убийства Столыпина, разгадки личности и мотивов преступления Богрова, но они не поколебали созданный Солженицыным образ Богрова и только усилили интерес к главному аспекту раскрытия этого образа в первом узле «Красного Колеса»: воздействию «всерадикального Поля, в котором молодой Богров счёл себя в праве и даже обязанным – убить Столыпина» [6, с. 436].

В. В. Розанов вскоре после смерти Столыпина писал: «...в эпоху *типично* нигилистическую и *всеобъемлюще* нигилистическую, – Столыпин ни одной крупинкой тела и души не был нигилистом» [14, с. 132]. Почти физически ощущается в «Августе Четырнадцатого» противостояние Столыпина не только «бесам» и «сферам», но и «поток веку». «Поток века» мощно несётся в эпоху, передаваемый всеми художественными средствами – от символики до документа, от кинокадров до ритмики фразы. В публицистике автор понятийно закрепляет образ: «...создаётся некоторый поток века, поток общественного мнения, так что люди с авторитетом, видные профессора, учёные, стесняются спорить, даже когда они имеют другое мнение...» («Телеинтервью компании Би-Би-Си» (Интервью ведёт Майкл Чарлтон), Лондон, 22 февраля 1976) [5, с. 332].

Противостояние безумному разрушению русскими своего прошлого и своего будущего – сквозной мотив «Красного Колеса». В этом противостоянии не раз возникает в сознании героев образ Столыпина.

Когда Воротынцев спорит со Свечиным о смысле мировой войны, он как будто без всякой связи вспоминает Столыпина:

«Ну подумай, ведь последняя неизбежная и всем понятная война была – Крымская. А с тех пор... У тебя никогда так?»

– Как же мы можем послужить, если не войной?

– Вот и я задумался! Одной силой стоящей армии! – вот как. И я вспомнил Столыпина...

Ну, это уже до бессвязности. Свечин поморщил выкатистый лоб и возвратил друга на землю:

– Втянули бы нас. Напали бы, как сейчас напали» [8, с. 465].

Впоследствии Солженицын еще раз возвращается к истории «в сослагательном наклонении». Рассуждая о выстреле Богрова, «которым было подсечено выздоровление России», Солженицын пишет: «Столыпин – и без того был бы уволен царём, но несомненно был бы снова призван в круговращательном безлюдьи 1914–16, и при нём – мы не кончили бы так позорно, ни в войне, ни в революции. (Если б ещё, при нём, мы в ту войну вступили бы.)» [6, с. 440]. Очень близко к этим размышлениям Солженицына суждение С. С. Ольденбурга: «Смерть Столыпина была тяжёлым ударом для *Русского государства*. Ведь и в случае отставки такой крупный государственный деятель, как Столыпин, только *отошёл бы в “запас”* и в нужную минуту мог быть снова призван к власти. Рука убийцы лишила Россию именно того человека, который наиболее подходил к сложным условиям думской монархии» [15, с. 420]. Но История сложилась как сложилась. И смысл романного эпизода, о котором шла речь, не сводится к вопросу: избежали или не избежали бы вступления России в войну. Смысл более широк. Полковник Воротынцев ощущает необходимость во всех сферах жизни – в том числе и в военной – ясной и последовательной позиции: что это даёт человеку? Что это даёт России? Созидательное ощущение жизни, разрушаемое, но не разрушенное войной, – снова против «потока века».

«*Всеобъемлюще* нигилистической» эпоха могла предстать лишь в интеллигентском историческом кругозоре. Реальная история была многообразнее. Сила Солженицына-художника в том, что он передал многослойность эпохи, увидел Столыпина не только в политическом масштабе, но в масштабе реальной истории России, позитивной деятельности людей, жизнестроительства, изменения народного сознания. Глава о Столыпине, показавшаяся некоторым критикам Солженицына чужеродной в «Августе Четырнадцатого», становится органичной и принципиально важной в контексте всего «Красного Колеса».

Жорж Нива обратил внимание на то, что в романе убийство Столыпина «подано трижды – через самого Столыпина, через его убийцу Богрова и через уполномоченного охранного отделения, и событие приобретает сюрреалистическую выразительность, будто под электронным микроскопом» [16, с. 32]. Не менее важно, как нам кажется, и пересечение в этой точке трёх типов *исторического видения*.

Богров видит свой поступок как «поединок с целым государством», как «событие мировой истории», мысленно включает себя в ряд её великих творцов – деятелей освободительного движения. Не случайно так заботится он о том, чтобы остаться в исторической памяти *честным* человеком. «И как это в конце концов оказалось несложно – поворачивать историю: всего только получить театральные билеты, миновать 17 рядов партера – и нажать гашетку» [8, с. 257].

Умирающий *Столыпин* думает о несделанном, о том, «как ещё заклинена Россия. И как вырваться ей», о строительных лесах, которые яростно рубят противники, не давая строить; страшится, что «не найдётся наследников и не придёт додел» [8, с. 271]. «И неужели – уйти сейчас? Перед главной своей реформой?» [8, с. 268].

И *третий* взгляд: не хитрого «хорька» Курлова, прячущего свою вину, но объективного сенатора, расследующего причины убийства в сплетении недогляда, знания-незнания, «выпирающего из материала соучастия». Он явно не видит *масштаба* случившегося, бессилен перед монаршей милостью к виновным. Взгляд из неподвижного, опасно неподвижного времени.

В «Красном Колесе» Солженицын показывает столкновение не только «делателей» и «преобразователей», но и разных типов *исторического мышления*, выходящих за пределы изображаемого периода. Его интересует сам процесс *семиозиса* истории. Потому фигура Столыпина принципиально важна для него и в политическом, и в историософском плане.

Список литературы

1. Солженицын А. И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Часть вторая (1979–1982) // Новый мир. 2000. № 9. С. 112–183.
2. Солженицын А. И. Публицистика : в 3 т. Т. 3. Статьи, письма, интервью, предисловия. Ярославль : Верхне-Волж. кн. изд-во, 1997. 560 с.
3. Солженицын А. И. Собр. соч. : в 9 т. Т. 7. В Советском Союзе. 1967–1974 ; На Западе. 1974–1989. М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. 512 с.
4. Солженицын А. И. Собр. соч. : в 9 т. Т. 8. Публицистика : На западе. 1990–1994 ; В России. 1994–2003. М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2005. 576 с.
5. Солженицын А. И. Публицистика : в 3 т. Т. 2. Общественные заявления, письма, интервью. Ярославль : Верхне-Волж. кн. изд-во, 1996. 624 с.
6. Солженицын А. И. Собр. соч. : в 30 т. Т. 26. Двести лет вместе. Ч. 1. В дореволюционной России. М. : Время, 2015. 512 с.
7. Soljénitsyne A. Journal de La Roue rouge / traduit de russe par F. Lesourd. Paris : Fayard, 2018. 704 p.
8. Солженицын А. И. Собр. соч. : в 30 т. Т. 8. Красное Колесо : Повествование в отмеренных сроках в четырёх Узлах. Узел 1 : Август Четырнадцатого. Кн. 2. М. : Время, 2006. 536 с.
9. Пугачев В. В. Кто победил 14-го декабря? // Россия/Russia : Studi e recherche a cura di Vittorio Strada. 1993. Vol. 8, № 1–2. P. 33–41.
10. Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия... : Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М. : Молодая гвардия, 1991. 410 с.
11. Столыпин А. П. Столыпин и Николай II в «Августе Четырнадцатого» // Посев. 1984. № 3. С. 58–60.
12. Солженицын А. И. Собр. соч. : в 30 т. Т. 1. Рассказы и Крохотки. М. : Время, 2007. 672 с.
13. Бок М. П. П. А. Столыпин : Воспоминания о моем отце. М. : Современник, 1992. 321 с.
14. Розанов В. В. Историческая роль Столыпина (8 октября 1911) // Среднерусский вестник общественных наук. 2007. № 1 (2). С. 130–133.
15. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. М. : Центрполиграф, 2018. 654 с.
16. Нива Ж. Солженицын / пер. с фр. С. Маркиш в сопр. с автором. М. : Художественная литература, 1992. 189 с.

Поступила в редакцию 04.02.2022; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 15.02.2022
The article was submitted 04.02.2022; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 15.02.2022